

Ковалев Александр Сергеевич

ВОСПРИЯТИЕ СТАРОСТИ ПОЖИЛЫМИ СИБИРЯКАМИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Статья раскрывает специфику восприятия старости пожилыми людьми в Сибири в период развития капитализма в Российской империи. Проанализированы особенности восприятия пожилыми сибиряками своего возраста, здоровья, материального и имущественного положения, представлены чувства и переживания пожилых и престарелых людей, восприятие окружающего мира, оценка жизненного пути, религиозные предпочтения, отношение к смерти и т.п. во второй половине XIX - начале XX вв.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/24.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8): в 3-х ч. Ч. II. С. 92-99. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

6. Там же. Оп. 2. Д. 55. Л. 2, 28-29.
7. Там же. Д. 469. Л. 13.
8. Там же. Ф. 84. Оп. 1. Д. 914. Л. 14-15.
9. **Журналы Симбирского губернского земского Собрания очередной сессии 1908 г.** Симбирск: Губернская типография, 1909. 887 с.
10. **Корелин А. П.** Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX - нач. XX вв. М.: Наука, 1988. 262 с.
11. **Сборник по мелкому кредиту** / сост. С. В. Бородаевский. Изд. 5-е. СПб., 1913. 642 с.
12. **Юбилейный сборник 1864-1914. Симбирское губернское земство.** Симбирск: Типография Балакирищикова, 1914. 213 с.

LAND MANAGING MEASURES OF ZEMSTVO INSTITUTIONS IN THE CONTEXT OF STOLYPIN'S AGRARIAN REFORM AT THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY (BY THE MATERIALS OF SIMBIRSK PROVINCE)

Tat'yana Aleksandrovna Kobzeva, Ph. D. in History, Associate Professor

*Department of Region Study and International Relations
Ul'yanovsk State University
tadir@mail.ru*

The article reveals the basic land managing measures of zemstvo autonomous bodies in the period of Stolypin's agrarian reform implementation. Special attention is paid to agronomic measures of Simbirsk province zemstvos aimed at creating private farms in the province.

Key words and phrases: zemstvo; agronomic measures; agrarian transformations; homestead and cut farms; local government.

УДК 94(57)

Статья раскрывает специфику восприятия старости пожилыми людьми в Сибири в период развития капитализма в Российской империи. Проанализированы особенности восприятия пожилыми сибиряками своего возраста, здоровья, материального и имущественного положения, представлены чувства и переживания пожилых и престарелых людей, восприятие окружающего мира, оценка жизненного пути, религиозные предпочтения, отношение к смерти и т.п. во второй половине XIX - начале XX вв.

Ключевые слова и фразы: богадельня; восприятие старости; отношение к старости; повседневность пожилых людей; пожилые люди; престарелые; признание; старение; старость.

Александр Сергеевич Ковалев, к.и.н., доцент

Кафедра социальной педагогики и социальной работы

Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева

alexkovaleff@yandex.ru

**ВОСПРИЯТИЕ СТАРОСТИ ПОЖИЛЫМИ СИБИРЯКАМИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX - НАЧАЛЕ XX ВЕКА[©]**

Ни для кого не секрет, что пожилые люди и долгожители делают солидный вклад в такой показатель как средняя продолжительность жизни, что говорит о процветании того или иного общества. Уважительное отношение к старости и старикам повышает чувство собственного достоинства, утверждает в понимании своей полезности обществу и оказывает сильнейшее воздействие на устойчивость нервной системы как молодых и зрелых, так и самих пожилых людей, позволяет противостоять отрицательным влияниям среды. Отношение к старости во многом отражает качество жизни пожилых людей, по которому можно судить о действительной зрелости социальных отношений.

Восприятие человека всегда соотнесено с особенностями исторической эпохи, его можно измерить с помощью системы исторического времени. Современная социальная ситуация в России во многом схожа с периодом социально-экономической модернизации страны в дореволюционный период и годы нэпа, когда в стране (хотя и разными путями) утверждались капиталистические начала. К сожалению, в условиях подобной модернизации пожилые люди обычно отбрасываются и не замечаются, либо представляются в массовом сознании как слабые, негодные, отягощающие общество члены.

Старики в модернизирующемся обществе часто подвергаются угнетению, поскольку не выглядят полезными и не вырабатывают прибыль для капитализма, а посему и предоставление социальных благ пожилым людям воспринимается как бесполезная трата денег.

Подобное отношение достаточно хорошо иллюстрируется такими высказываниями представителей экономической элиты общества как: «долг престарелых... заключается в том, чтобы умереть» или «для престарелых нет перспектив когда-либо стать производителями... нужно сохранить жизнь только тем лицам, которые смогут заплатить за это своей производительностью».

Однако следует признать, что такой взгляд не следует считать единственно верным в оценке социального статуса пожилого человека в модифицирующемся обществе. Человек постепенно превращается из простой «производственной единицы» в экономически и социально активного субъекта, для которого понятие старости отождествляется не с периодом распада, а понимается как временной отрезок, где появляется возможность получить определенное вознаграждение за приложенные усилия в период активной трудовой жизни.

Безусловно, такое изменение понимания старости становится основной причиной того, что в процессе модернизации впервые формируются принципы социальной ответственности, которая становится неотъемлемым элементом развитой капиталистической системы. В этой связи важно проанализировать, как менялось восприятие старости в представлениях общества, которое пытается сделать «период дожития» человека защищенным и достойным.

Восприятие старости на протяжении истории человечества менялось неоднократно, что во многом влияло на наличие и качество социальной заботы о пожилых людях. Отношение к старикам складывалось в силу определенной исторической судьбы, менталитета, под влиянием господствующей в обществе морали, на основе одобряемых большинством населения социальных норм. При этом важнейшими факторами, определяющими восприятие старости, являются:

- достаток или недостаток общественных благ для пожилых членов общества;
- наличие или отсутствие жизненного пространства и комфортной среды обитания;
- необходимость или ненужность передачи культурных норм от старших к младшим.

Специфика восприятия старости определяет формирование для каждого пожилого человека двух разных типов реальности. Первый тип можно рассматривать как совокупность неких экономических, психологических, социальных, индивидуальных «утрат» (потерь), которые на деле означают неизбежную личностную зависимость в старости от других людей. Второй тип - это осознание пожилым человеком старости как кульминационного момента своей жизни, аккумуляции собственных знаний и опыта.

Для того чтобы определить, какой тип реальности для пожилого человека второй половины XIX - начала XX вв. был доминирующим, следует «понять, что переживает человек в старости... охватить все многообразие личных ощущений, объяснить неповторимый индивидуальный опыт старения» [17].

Автором статьи были выделены критерии анализа, по которым можно изучать особенности восприятия старости в первую очередь самими пожилыми людьми.

Прежде всего, это *восприятие самого возраста*, самооценка здоровья, физических кондиций, инвалидности.

Далее следует *оценка материального и имущественного положения*: наличие каких-либо выплат (пенсий, пособий), их достаточность для проживания, на какие цели используются средства, степень адаптации пожилых к материальным трудностям, влияние имущественного и материального положения на другие стороны жизни.

Существенный интерес представляет *внутренний мир* пожилых и престарелых: чувства и переживания, отношение к старости.

Особое значение в жизни пожилого человека занимает *духовный поиск*: оценка жизненного пути, вопросы о смысле жизни, религиозные предпочтения, отношение к смерти и т.п.

Наконец, не менее важно *восприятие окружающего мира*: взаимоотношения в семье, в социуме, участие в воспитании подрастающего поколения, преодоление одиночества, общественное признание авторитета, мудрости, социального вклада пожилых людей.

Документальную базу настоящего исследования составили материалы сибирских архивов (гг. Красноярск, Томск, Барнаул): прошения престарелых людей о принятии в богадельню, переписка между представителями губернской и городской власти, отчеты заведующих богоугодными заведениями, из которых можно почерпнуть фрагментарные сведения о повседневной жизни пожилых людей. Выбор этого типа источников обусловлен тем, что в поле зрения исследователя в основном попадают пожилые люди, имевшие определенную степень неблагополучия, для которых единственной возможностью достойно завершить свою жизнь было обращение к посторонней помощи.

Прежде чем говорить о восприятии пожилыми людьми старости имеет смысл определить, кого следует понимать под пожилыми или престарелыми людьми, поскольку уже из понятийной интерпретации можно проследить определенное отношение к старости.

В современном толковом словаре С. И. Ожегова [21] слово «пожилой» означает «начинающий стареть», то есть пожилой возраст - это еще не старость, но уже и не стабильная зрелость. Такое понимание во многом соотносится с самыми ранними представлениями человечества о старости. Так, согласно утверждению Цицерона, пожилой человек - это человек, который начинает чувствовать приближение старости, пристально наблюдая за изменениями, которые происходят с другими людьми, и сравнивает их с собственными [24].

Безусловно, можно согласиться с античным философом в том, что пожилые люди, являясь носителями доминирующей формы культуры, более всего страдают при резкой перемене системы ценностей.

Их жизненный опыт становится невостребованным, морально устаревшим и вызывает негативное отношение у молодых людей. Стареть начинает не тело человека, а его дух, который не может «вписаться» в повседневную жизнь человека и отторгается формирующимся новым миром.

Впрочем, анализируя восприятие старости в историческом контексте, целесообразнее обратиться к этимологии слов «пожилой», «старый», «стареющий», «престарелый» в том значении, в каком они употреблялись в XIX в.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля [16] слова «пожилой» нет вовсе, но упоминается близкое по смыслу «поживать», т.е. «проводить жизнь так, как живется». «Престареть» (престариться, состариться) упоминается в значении «достигнуть глубокой старости, самых преклонных лет, одряхлеть годами»; «престарелый» - доживающий век свой, доживший до глубокой старости. Но, самое важное, что здесь встречается подробное объяснение слова «старый». По мнению В. И. Даля, это «достигший преклонных лет, доживающий век свой, кому под 60 и более».

Таким образом, в рамках настоящего исследования, говоря о восприятии старости, следует иметь в виду, что речь пойдет о жизненном цикле человека, для которого характерны размытость возрастных границ, дряхлость в понимании неспособности самостоятельно действовать и «доживание так, как живется».

Следует начать с того, что для пожилых людей второй половины XIX в. в Сибири было характерно сознательное утаивание своего истинного возраста, причем не в сторону уменьшения (что казалось бы естественным), а в сторону увеличения. Число прожитых лет специально приумножали, чтобы показать, что старческая немощность определяется преклонным возрастом. При специальном же обследовании, а также при изучении документов пожилого человека зачастую оказывалось, что просители пособий, пенсий или места в богадельне были не такими старыми. Так, претенденту к поступлению в монастырь Николаю Егоровичу Лоскутову, писавшему, что ему «от роду 67 лет», на деле оказалось всего 60; красноярской мещанке Феклисте Демидовне Одношевиной, указавшей в прошении возраст «73 года» было 65 лет; 72-летняя старушка Ксения Павловна Трофимова приписала себе лишних 3 года [3; 6, с. 8; 12].

Впрочем, были и такие старики, которые гордились своим возрастом. Чаще всего, это были военнослужащие в отставке, которые (имея на руках соответствующие документы) хотели подтвердить свое отношение к значимым событиям в истории страны, как в случае с Иваном Пасынковым, которого в 1899 г. подобрала на улицах Красноярска местная полиция и собиралась наказать его за бродяжничество, потому что он «назвал себя Пашковым» и «считает себе от рождения 95-й год». Однако после того, как Пасынков вышел из больницы, он смог убедительно доказать, что он не бродяга, а «происхождения из первых кантонистов, рожден и крещен в г. Ростове Ярославской губернии, но в каком году рожден, и в какой церкви крещен, он не знает, но... в службу вступил в 1841 г. и был... в Севастопольской войне, где ранен в правый бок и лишился двух пальцев руки...», с гордостью предъявив указ об отставке, подтвердивший его рассказ [8].

Некоторые отставные военные полагали, что уже сам возраст и заслуги перед Отечеством дают им право на повышенное к себе внимание. К примеру, в мае 1910 г. в Томскую городскую управу с прошением о выдаче пособия или о помещении в богадельню обратился Михаил Владимирович Казадаев, который указал в прошении, что ему «93 года, участвовал в походах в Севастопольскую войну и в 1877 году» [15, с. 48]. Любопытно, что он не говорит в своем обращении ни про дряхлость, ни про состояние здоровья, как это обычно делали другие старики, упоминая только про то, что он служил, видимо, полагая, что имеет особое право. И, скорее всего, подобное, пусть не закрепленное юридически, но моральное право, он действительно имел, поскольку от него не потребовали никаких справок, и только городской голова справился у заведующего богадельней, есть ли в ней свободные места.

Кроме того, среди пожилых людей были и такие старики, для которых понятия возраста вообще не существовало. Они либо вообще не знали, сколько им лет и упоминали о возрасте «вскользь»: «за преклонностью лет моих», «ввиду моих преклонных лет», «при старости лет и слабом здоровье», «старушка... по преклонному возрасту», «нахожусь в преклонных, старческих и дряхлых летах, к тому же и слепой, ходить за мной некому, нахожусь при старости своей...» и т.п. В отдельных случаях врачи при освидетельствовании старых людей не указывали ни прямо на возраст, ни отмечали какой-то конкретной болезни, а просто писали: «по преклонности лет заслуживает быть принятым» (*в больницу, богадельню - А. К.*), то есть в некоторых случаях достаточно было просто достигнуть состояния «преклонности лет» [1, с. 16; 2, с. 63; 11; 13, с. 12, 62; 14, с. 104].

Другие же, хотя и знали про свои лета, не скрывали их, и даже если обращались за посторонней помощью, на свой возраст или состояние здоровья не ссылались, и только говорили о том, как сложно им продолжать свою трудовую деятельность.

Вот как описывает свои старческие годы каинский мещанин Иосиф Эмануилович Зорич: «С 1884 по 1889 гг. служил в Томске у начальников по переселенческим делам... В 1902 г. ... разбил паралич, кое-как служил до 1906 г., но был вынужден уйти в отставку».

А вот 80-летний отставной рядовой Филипп Григорьевич Канашев в своем прошении о призрении писал о необходимости помощи своей жене, которая «...старушка 70 лет... ничего не зарабатывает... прислужой быть не может», а вот на свою судьбу жаловался, что в его возрасте «...никто на место не берет, а тяжелой работы снести не могу». Выходит, даже в своем почтенном возрасте Канашев искал посильную работу, что-бы самому за платить за жилье [13, с. 62].

Вызывает восхищение караульный из Томска Иван Семенович Федоров, который, кажется, вовсе не замечал своего возраста, и вплоть до 75 лет служил сторожем в частной конторе, и только в феврале 1909 г. после того, как, защищая склад своего хозяина, пострадал в перестрелке во время ограбления, решил уйти на покой [15, с. 81 об.].

В этой же связи интересно проанализировать прошение томского мещанина Савелия Дмитриевича Перевозчикова, в котором он больше не просит, а просто рассказывает о своей жизни в пожилом возрасте: «Я имею от роду 72 года и совершенно одинок. 2 года тому назад я потерял способность к труду вследствие... старости. До того времени я зарабатывал себе пропитание своим собственным трудом, занимался сапожным ремеслом. В настоящее же время, когда я потерял способность к труду, я, будучи совершенно одинок, не имею никаких средств на свое содержание и даже сейчас не имею определенной квартиры» [14, с. 137-138]. Что можно узнать из этих строк: Савелий Дмитриевич продолжал трудиться до 70 лет, что само по себе в условиях низкой продолжительности жизни является значительным достижением, занимался вполне достойным и популярным в то время ремеслом, и средств на жизнь, пропитание и проживание ему вполне хватало. И только после того, как он потерял способность трудиться «вследствие старости» (что именно это означает, сказать трудно, возможно связано с какой-то характерной для старческого возраста болезнью), у него появляются проблемы с самообеспечением. К сожалению, Перевозчиков, как и многие другие старики того времени, видел для себя единственный выход из трудной ситуации - переселиться в богадельню на полный пансион. Однако совершенно очевидно, что сами возрастные границы здесь не при чем, значение в большей степени имел не биологический, а трудовой (социальный) возраст.

Что же касается здоровья, то это действительно та сторона повседневности пожилого человека, которая во все времена является для него наиболее актуальной. Если обратиться к тому, как сами старики оценивали свое здоровье, то жалобы на здоровье можно разделить на несколько групп.

Самыми «популярными» были общий «упадок сил» или «слабость здоровья», «полный упадок сил». Затем следовал паралич, выразившийся в таких формулировках пожилых людей как: «невладение рук и других членов», «вследствие удара паралича правой руки, правой ноги и половины головы, которыми в настоящее время... не могу совершенно владеть», «поражен тяжким параличным состоянием, невладением правой руки и ноги, вместе с лишением языка», «страдаю параличом всей левой половины тела» [6, с. 12-12 об.; 7, с. 2 об., 26-26 об.; 13, с. 89; 14, с. 20, 42].

Затем следуют проблемы потери зрения и слуха, что вполне естественно для пожилого возраста. При этом сами старики отзывались о своих недугах как в общеупотребительных выражениях («потерял зрение», «долго страдал я болью головы и глаз... окончательно лишился зрения, сопряженного со старостью лет и глухотой», «[страдаю] глухотой на оба уха», «я больная и плохо слышу»), так и прибегали к медицинской терминологии, скорее всего услышанной от врача («слепота на правый глаз, катаракта на левом») [9, с. 697 об.-698; 12; 14, с. 40, 45, 84-84 об.].

Куда реже встречались жалобы на эпилепсию («страдаю припадками падучей болезни»), ревматизм («ногами очень слаб - не могу более 20 саженой пройти»), другие не слишком распространенные заболевания («тяжко страдаю хроническим бронхитом (одышка») [9, с. 142 об., 173-173 об.; 14, с. 149; 15, с. 75-76].

Можно предположить, что сами пожилые люди в XIX в. были мало сведущи в этой области, и поскольку все обращения от их имени из-за повальной неграмотности подписывали образованные люди, то описание физических недугов стариков во многом скорректировано этими писавшими. Однако анализ прошений и заявлений, в которых повествование идет от имени постороннего лица, знавшего старого человека и пытающегося описать состояние здоровья немощного, свидетельствует о том, что в этом случае автор говорил о заболевании своего старшего товарища своими словами, зачастую обходясь формулировками, не указывающими прямо на суть недуга: «по случаю болезненного... состояния...», «одержимый неизлечимой болезнью», «большинство коих - хронически больные» [5; 9, с. 824 об.; 10; 15, с. 65] и т.п. Совершенно очевидно, что только сам пожилой человек мог толком охарактеризовать свое физическое состояние.

Важно отметить еще и такое обстоятельство, что пожилые люди второй половины XIX в. относились к постигнутому их недугу со смирением, объясняя свое болезненное состояние волей провидения, на судьбу не роптали и воспринимали болезнь как данность, как неотъемлемую часть старости. В качестве примеров можно привести высказывания: «Богу было угодно наказать меня параличом» или «Его Святая Воля - я окончательно лишился зрения» [13, с. 89; 14, с. 84-84 об.].

Безусловно, болезнь играла самую серьезную роль в судьбе (прежде всего, в трудовой судьбе) людей. В условиях, когда у пожилого человека не было права на пожизненное призвание в соответствии с возрастом, самым страшным для него представлялось заболевание, из-за которого он не сможет трудиться пусть даже в 70-80 лет. В этом случае человек в возрасте сразу выпадал из числа активного трудового населения, автоматически попадал в разряд «доживающих». Для него это была настоящая жизненная катастрофа, поскольку за неимением сил он не имел работы, у него не было средств к существованию. И если многие пожилые люди до поры до времени справлялись со своими делами, пока им позволяло здоровье, зарабатывали «на пропитание», оплачивали жилье, вступали в социальные связи, то как только здоровье начинало подводить, они «сдавали» и видели для себя неприемлемый, но единственно возможный выход - подать прошение о помещении в богадельню, потому что, по меткому выражению одного из стариков того времени, больше он «кроме нездоровья и дряхлости, ничего не имеет...».

Материальное и имущественное положение пожилых людей в Сибири во второй половине XIX в., по их собственному мнению, было крайне неудовлетворительным. Пенсии и пособия расценивались как недостаточные и не позволяющие прожить. Отставной матрос Афанасий Тимофеевич Козьмин из Красноярска заявлял, что «...получаемого же 3-рублевого пособия при дороговизне припасов и квартиры недостаточно». На нехватку средств в условиях высокой инфляции сетует отошедшая от дел повивальная бабка из Барнаула Розалия Игнатьевна Козицкая: «...нельзя ли мне прибавить пенсию, так как все вздорожало, а я получаю пенсию 12 руб. и 23 коп., то мне приходится терпеть и голод, и холод... и нет у меня... средств к жизни, как только одна пенсия...». Ей вторит томич Михаил Петрович Виноградов: «...Получаемое мной пособие в количестве 1 руб. 50 коп. так мало, что его только хватает лишь на уплату за квартиру». Елизавета Лаврентьевна Корнилова тоже жаловалась на низкую пенсию: средств не имею, окромя 33 руб. в год пенсии» и дальше пишет «все что можно - продала...» [1, с. 16; 10; 13, с. 55].

То, что пожилые люди пытались найти собственные способы выжить в трудных условиях, не вызывает сомнения. Одни жили вместе с родственниками, стараясь вносить небольшую лепту в скромный семейный бюджет. Другие, не будучи платежеспособными, переезжали со съемных квартир в ночлежные дома [7, с. 32; 14, с. 81]. Но чаще всего вспомогательным средством становились собственные сбережения, что говорило об определенной расчетливости пожилых людей, прекрасно осознающих, что рассчитывать в старости им придется только на себя. Но достаточно ли было этих сбережений?

На этот вопрос лучше всего ответит крестьянин из томской губернии Василий Григорьевич Леонтьев, который в своем прошении городскому голове о помещении его в богадельню братьев Королевых писал: «...я прожил все мое небольшое трудовое сбережение и теперь остался нищим калекой при 59-летнем возрасте, не будучи в силах даже собирать на пропитание милостыню» [13, с. 55]. Еще не достигнув «положенного» по Далю возраста, Василий Григорьевич копил на старость, делал сбережения, но либо из-за низкого жалования не мог позволить себе откладывать слишком много, либо же уровень жизни в Томской губернии не позволял долго прожить на них.

Немаловажно отметить и то обстоятельство, что старик-крестьянин видел для себя только два выхода из сложившейся ситуации: либо просить милостыню, либо (по уже проторенному другими пути) отправиться доживать свой век в богадельню. В этом нет ничего удивительного: любое общество транслирует то или иное отношение к старости из поколения в поколение, подобное отношение становится социальной нормой. И точно так же, как на ранних стадиях развития человечества нормой был старческий инфантицид, точно так, как сегодня нормой является пенсионное обеспечение пожилых людей, в эпоху модернизации второй половины XIX - начала XX вв. помещение пожилого человека в богадельню становилось естественным для него жизненным финалом. Старики были психологически готовы к тому, что их отправят в богадельню, потому что в противном случае оставалось только идти на паперть.

Кстати, о нищенстве. Совершенно очевидно, что и такой вариант для большинства пожилых и престарелых не выглядел как что-то недостойное или позорное. В найденных архивных материалах, за исключением красноярского мещанина Семена Петрова, который хоть и был «лишен возможности приобретать себе насущный кусок хлеба», но «собирать милостыню ради Христа считаю для себя стыдом» [7, с. 26-26 об.], все остальные пожилые люди, оказавшиеся перед выбором, можно ли добывать себе на существование «стоя с протянутой рукой», отвечали на этот вопрос утвердительно.

Солдатская жена из Томска Маремьяна Албанцева даже «при старости лет ее и слабом здоровье» дневное пропитание «снискивает себе через посредство добродетелей милостыни» - попросту говоря, попрошайничала, как и уже упоминавшийся И. Э. Зорич без всякого стеснения говорил о том, что живет «ныне... за сбором подаяния для дневного питания себя». А его земляк Николай Владимирович Айдинбер только потому просил поместить его в богадельню, что «...кормиться и платить за квартиру именем Христа, т.е. милостыней, в настоящее время... я положительно не имею возможности... в зимние периоды...» [11; 14, с. 112, 160].

Впрочем, нужно сказать, что попрошайничество становилось безвыходным образом жизни для всех, кто не получал пенсий или пособий или не был устроен в богадельню, или кому было отказано в помещении туда вплоть до 20-х гг. XX в.

Повседневность пожилого человека второй половины XIX в. в основном была замкнута на то самое «доживание», о котором уже упоминалось выше. Старики пореформенной эпохи не замечали возраста, трудились, пока это было возможно, и только когда возникали проблемы со здоровьем, задумывались о том, чем будет для них старость. Лучшее всего ожидания от немощной старости переданы в обращении протоиерея В. Павлова к Енисейскому губернатору, описывающего жизнь одного из своих знакомых: «...не [просит] сей старец вещественного пособия деньгами или вещами, а нуждается в тихом и спокойном приюте» [7, с. 30].

Под «тихим и спокойным приютом» понималась, конечно же, богадельня, и поэтому для старика той эпохи важно было знать о наличии мест в богадельнях, потому что если их не было, оставалось только надеяться, что место появится (читай - ждать или даже надеяться, что кто-нибудь в богадельне отдаст Богу душу, освободив тем самым место). К слову, когда в богадельнях не было свободных мест, просящего могли зачислить «кандидатом». Можно только представить себе, о чем были ежедневные думы кандидата, который мог стать призреваемым только после смерти другого человека.

Вот интересное прошение, характеризующее искавших призрения. Они были прекрасно осведомлены о том, что происходит в богадельне. 19 сентября 1910 г. после длительной болезни умер 82-летний Петр Иванович Рябов, и уже 20 сентября крестьянин Яков Павлович Опарин просит «...поместить меня на призрение в Томскую богадельню имени бр. Королёвых, в которой, как я узнал, за смертью призреваемого Рябова есть свободное место». Остается только догадываться, откуда Опарин узнал об «открывшейся» вакансии - возможно, у него были «свои люди» в богадельне.

А каково было душевное состояние тех, кто доживал свой век в богадельне, если пожилой человек знал, что кто-то вне богоугодного заведения в какой-то степени живет «надеждой» на его скорую смерть [15, с. 97].

В городской среде постоянно ходили слухи о том, что в богадельнях не было мест, и в г. Томске даже произошел такой курьезный случай. Крестьянка с. Кирилловского Богородской волости Наталья Никитична Костогрызова узнав, что в богадельне Томского благотворительного общества не хватает мест, восприняла сообщение так, что не хватает коек для призреваемых, и в своем прошении председателю общества сделала особую пометку: «...кровать, а также постель имею свою» [Там же, с. 34].

Неудивительно, что в обстановке, когда шла такая борьба за место в богадельне, само заведение казалось пожилым людям чуть ли не райским уголком: «Почтительнейше прошу распорядиться о помещении меня в богадельню... По крайней мере, я буду сыт, иметь приют с баней, необходимой при старости лет» [14, с. 45]. О том, что им придется довольствоваться бульоном от варки гороха и пустым чаем, баней один раз в месяц с маленьким кусочком мыла, они даже не подозревали. Поэтому нет ничего удивительного, что те, кто так долго мечтал о помещении в богадельню, потом старались всеми правдами и неправдами вырваться оттуда «на волю», возвращались к бродяжничеству и сбору милостыни: «Призреваемый 2-й палаты Дмитрий Ячменев самовольно отлучился из богадельни... и через несколько дней был найден у Собора в числе нищих, просящих милостыню, который на предложение смотрителя вернуться в богадельню отказался исполнить это предложение и заявил смотрителю, что он от призрения отказывается окончательно и просит исключить его из богадельни».

А потом, понимая всю безысходность своего положения, старики обращались к алкоголю как последнему средству решения своих проблем: «...Есев пьянствовал, нередко в пьяном виде валялся на улицах и был арестован для вытрезвления в Городской Милиции. А, освободившись оттуда, пьянствовал еще несколько дней...» [1, с. 100].

Конечно, не все пожилые люди пытались найти смысл жизни на дне бутылки. Немало среди стариков было и тех, кто обращался к Богу или пытался достойно встретить свои последние дни. И, хотя члены Городской Думы отмечали, что представители «...женского пола охотно посещают храм, мужской же пол не особенно к этому склонен», но довольно часто встречались горожане, кто заявлял, что после наступления старости «... буду исполнять поминовение... во время утренних и вечерних молитв, и считаю обязанность мою быть во время служения в Божьем храме». Для истинно верующих не существовало даже препятствий к помещению не в богоугодное заведение, а «в монастырь для ведения духовной и аскетской жизни» [4; 6, с. 8].

А вот об отношении пожилого человека к смерти лучше всего рассказал в своем рапорте начальнику Алтайской духовной миссии, епископу Бийскому Иннокентию, псаломщик Михаил Штыгашев. Рапорт был посвящен его отцу, священнику Иоанну, который был одним из выдающихся просветителей и миссионеров. Вот как Михаил описывает последние дни своего отца:

«До самой последней минуты был в полном сознании, временами приходил в бессознательное состояние... в каковом состоянии все совершал какие-нибудь требы: произносил проповеди, служил молебны и пр. Господь удостоил его перед смертью исповедоваться, приобщиться, а также и собороваться. Во все время самой болезни он давал нам наставления, как нужно жить, к кому обращаться в трудные минуты за помощью и т.д. Говорил, что смерти он не боится, а только жаль многочисленной семьи, которая остается без всяких средств к существованию... Несмотря на болезненное свое состояние, он неупустительно посещал все углы своего прихода. Последнее наше посещение было прииск Неожиданный, отстоящий от нашего... стана 150 верст, откуда он приходил совершенно разбитый. С лошади сам был не в состоянии спуститься. Его сняли и на руках внесли в дом, и с тех пор не поднимался. Удивительно был крепкий и приверженный своему долгу человек. До самой смерти учил инородцев, жизнь свою отдал им. 8 суток ничего не ел, ужасно ослаб, был в полнейшем изнеможении, плохо говорил, а пришедших его проведывать инородцев учил и наставлял, хотя это было для него большой тягостью. Теперь бремя свое завещал мне: «Неси ту ношу, какую я нес, хотя я за это и поплатился преждевременной смертью, но зато Господь не оставит меня своей милостью»» [2, с. 158-158 об.].

Смирение, сила духа и вера отличали не только отца Иоанна Штыгашева. Для большинства пожилых людей смерть представлялась естественным итогом жизни, причем религиозное сознание во многом помогло справиться с ожиданием неизбежности. Старики были готовы встретиться с Всевышним, когда они «волею Божьей помре», страшила их только недостойная или глупая смерть, например, «под забором» или «отравившись от водки». Куда более важную роль в их престарелой жизни играли отношения с окружающим миром.

В первую очередь, это были взаимоотношения с родственниками. Стоит отметить, что обязанность взрослых детей содержать за свой счет престарелых родителей была закреплена юридически. У пожилого человека, «имевшего родственников, которые могли бы его прокормить», практически не было шансов на заботу со стороны общества и уж тем более государства. Только в редких случаях, когда родственники сами находились в тяжелом материальном положении, прошение пожилого члена семьи рассматривалось соответствующими органами. Впрочем, сами пожилые на своих детей не надеялись («...Имею двух дочерей, но они сами находятся в услужении...» или «родственников, которые должны призывать, нет») [6, с. 2-2 об.], и в глазах самих стариков они были обузой для родных. Вот хорошо иллюстрирующее этот пример обращение красноярского мещанина Василия Тимофеевича Прилуцкого городскому голове:

«...Не скрываю перед Вашим Высокородием, что имею двух сыновей - учителей начальных школ, один из них по болезни находится в отставке, ввиду чего он не может мне дать средства для призрения. А старший, хотя и состоит на службе учителем, но ввиду ограниченного получаемого им жалования и обременения своим малолетним семейством уделает мне из своего жалования на содержание ежемесячно всего 8 рублей, которых для содержания себя и уплаты за квартиру крайне недостаточно. А жить у сына... нет никакой возможности, т.к. жена его... относится ко мне с пренебрежением и почти каждый раз укоряет меня куском хлеба» [7, с. 32].

Пожилые люди были готовы избавить своих родных от собственного присутствия, но, тем не менее, по отзывам современников, «некоторые из призреваемых нередко отлучаются из богадельни к своим родственникам и не являются по 2-3 недели». То, что «пожилые богадельщики» уходили в «самоволку», сильно раздражало как заведующих богоугодными заведениями, так и представителей местных органов призрения. С одной стороны, их можно понять - если пожилой человек числится в богадельне, но не находится в ней постоянно, он занимает место того, кому вообще негде жить. Но, с другой стороны, для стариков, вынужденных остаток жизни прожить в четырех стенах, это был своеобразный «отпуск», и их тоже нужно понять. Сообщение с внешним миром большинству призреваемых приносило радость и возвращало их хотя бы на 2-3 недели в привычную среду обитания.

Изучение отношений пожилых людей с социальной средой в рамках настоящего исследования было бы неполным без оценки взгляда на стариков со стороны, готовности социума восполнить пожилому человеку утраты, вызванные его немощным положением, признания социального вклада пожилых людей. Тем более, в области отношений старых людей с обществом все было далеко неоднозначно.

Известны случаи, когда соседи отказывались принять на свое попечение больного и немощного старика: «Обществом крестьян составлено присяжное удостоверение в том, что Пржетульского... никто из крестьян не изъявил взять на свое попечение». Или в Барнаульскую городскую милицию поступало сообщение о том, что «...мещанка г. Барнаула Агафья Викторовна Воротникова... достигла престарелых лет, большая нуждается в постороннем за собой уходе, не имеет угла, где преклонить головы, перевозится из двора в двор и уже порядком всем надоела, и никто ее не берет на содержание...» [1, с. 60-60 об.; 9, с. 142 об., 173-173 об.].

Безусловно, сознание сибиряков отличала ярко выраженная геронтофобия. Причем, она распространялась не только на рядовых граждан. Даже должностные лица, приставленные городскими властями к призреваемым пожилым и престарелым, порой отзывались о своих подопечных не слишком лестно. Как, например, смотритель городской богадельни братьев Королевых Кирилл Гудимович, который писал в своем рапорте Томской городской управе: «...Есть большая часть достойных сочувствия, но есть и такие - смолоду пил, гулял, воровал и даже грабил, и по сочувствию великодушных благодетелей к человеку сирому, дряхлomu и беспомощному [благодетель его] призреет и введет именно в рай земной: пища, одежда, чистота, теплота, нет ни печали... знай, молись да благодари своих благодетелей» [14, с. 79-80].

Но были и те, кто становился настоящими защитниками бесправных пожилых людей, которые выступали с хорошими рекомендациями, отзывались о представителях старшего поколения самым лучшим образом. Чаще всего это были люди, которые хорошо знали тех, за кого просили, по работе или по каким-то другим событиям совместной жизни: «Со своей стороны могу рекомендовать ее как старушку трезвую, трудолюбивую и чистую, т.к. в прежние годы она служила у меня 10 лет» или «Старца сего я знаю в течение 30 лет как человека честного, трезвого, трудолюбивого. Пока были силы, он трудился из последних сил...» [6, с. 12-12 об.; 7, с. 30].

Случалось даже так, что один старик просил за другого. Так, некий неизвестный «знакомый городского головы» просил своего высокопоставленного «друга» за старика по фамилии Лирин, причем характеризовал его с самой лучшей стороны: «...просим не за какого-нибудь лодыря и пьяницу, а прямо за труженика, согбенного годами труда. Я его знаю около 20 лет, когда еще он был при мне рабочим у покойника Андрея Николаевича Пастухова, а Патрушев еще ранее его знал, так как у него работником был 30 лет в Сибири». Вышеупомянутые Пастухов (при жизни) и Патрушев (в настоящее время), по словам анонима с радостью готовы были бы «хоть немного для бывшего работника пожертвовать на благое дело». А в самом конце своего письма автор еще и пытается давить на совесть уважаемых граждан и приводит себя в пример: «Что касается до меня, то я вовсе небогатый, но если бы что необходимо потребовалось, то и я бы не отказал для одинокого старика» [13, с. 20].

Отзывы на подобные письма чаще всего были положительными, однако стоит отметить, что проявление социальной заботы в таких случаях все же диктовалось не заслугами пожилого человека, а традиционным «милосердным» отношением сильных мира сего к слабым и немощным.

В заключение хотелось бы в целом охарактеризовать восприятие старости во второй половине XIX в. Пожилым людям того времени был во многом свойственен созерцательный образ жизни. Социальные условия, собственное видение старости, уровень общественного призрения сформировали систему взглядов, которую можно свести к формуле: «жить, пока живется».

На становление этой системы взглядов существенное значение оказывали ограниченность физических возможностей, снижение трудовых способностей, постоянное ощущение недомогания. Однако пожилой человек зачастую был готов к восприятию такого образа жизни. Во многом такой поворот к старости был для человека «счастливой формой старения», обеспечивающей «согласие» со старческими изменениями своего состояния, удовлетворенность жизнью в старости, полное принятие позднего возраста.

Существовали определенные проблемы в признании этого возраста (утаивание его от себя и других, «приписывание лет»), однако возраст не играл существенной роли в переходе к старости, большее значение имело состояние здоровья. Появление серьезных заболеваний нарушало привычную жизнь человека, даже если ему шел восьмой или девятый десяток. Относительно здоровый пожилой человек был способен до определенного момента сохранять приемлемый уровень социальной и трудовой активности. Но, поскольку управлять своим возрастным состоянием он был не в состоянии из-за неразвитой медицины, отсутствия возможностей сохранять здоровый образ жизни, как только болезнь начинала прогрессировать, пожилой человек испытывал возрастную дискомфорт и некоторую ущербность своего возраста, ибо не мог дальше сам зарабатывать на пропитание. Впрочем, сопротивления своему новому состоянию или поиска средств борьбы с надвигающейся старостью не было, поскольку закономерным жизненным итогом для пожилого человека выступало помещение в богадельню.

Список литературы

1. Государственный архив Алтайского края. Ф. 51. Оп. 2. Д. 377. Л. 16, 60-60 об., 100.
2. Там же. Ф. 164. Оп. 1. Д. 153. Л. 63, 158-158 об.
3. Государственный архив Красноярского края. Ф. 161. Оп. 1. Д. 101. Л. 8-9 об.
4. Там же. Оп. 2. Д. 114. Л. 39.
5. Там же. Ф. 166. Оп. 1. Д. 31. Л. 6.
6. Там же. Д. 34. Л. 2-2 об., 8, 12-12 об.
7. Там же. Д. 63. Л. 2 об., 26-26 об., 30, 32.
8. Там же. Ф. 518. Оп. 1. Д. 319. Л. 10.
9. Там же. Ф. 522. Оп. 1. Д. 57. Л. 142 об., 173-173 об., 697 об.-698, 824 об.
10. Там же. Д. 115. Л. 330-331.
11. Государственный архив Томской области. Ф. 43. Оп. 1. Д. 3. Л. 67-68 об.
12. Там же. Ф. 233. Оп. 2. Д. 196. Л. 210.
13. Там же. Д. 2035. Л. 12, 20, 55, 62, 89.
14. Там же. Д. 2042. Л. 30, 40, 45, 76, 79-81, 84-84 об., 104, 112, 137-138, 149, 160.
15. Там же. Д. 3407. Л. 34, 48, 65, 75-76, 81 об., 97.
16. Даль В. И. Толковый словарь великорусского живого языка [Электронный ресурс]. М., 1863-1866. Т. 1-4. URL: <http://slovari.yandex.ru> (дата обращения: 08.01.2011).
17. Калькова В. Л. Бовуар С. де. Старость: эссе // Социальная геронтология: современные исследования. М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 17-40.
18. Катцина Т. А. Общественное призрение в Енисейской губернии (1822-1917 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2002. 33 с.
19. Ковалев А. С. Прощения как источник изучения качества жизни пожилых людей и инвалидов в XIX в. (по материалам г. Красноярска) // Научная перспектива. 2010. № 11. С. 97-100.
20. Ковалев А. С. Условия и качество жизни пожилых людей в богадельнях во второй половине XIX - начале XX вв. (на примере г. Красноярска) // Гуманитарные науки в Сибири. 2010. № 1. С. 15-17.
21. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2007. 640 с.
22. Смолькин А. Исторические формы отношения к старости // Отечественные записки. 2005. № 3.
23. Устав об общественном призрении. СПб., 1857. Т. XIII.
24. Цицерон. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1975. 456 с.

SENILITY PERCEPTION BY ELDERLY SIBERIANS IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH - THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Aleksandr Sergeevich Kovalev, Ph. D. in History, Associate Professor

*Department of Social Pedagogy and Social Work
Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafev
alexkovaleff@yandex.ru*

The article reveals the specificity of senility perception by elderly people in Siberia during the period of capitalism development in the Russian empire. The peculiarities of the perception of age, health, economic and property conditions by elderly Siberians are analyzed. Elderly and senile people's feelings and worries, their perception of the world, estimation of life, religious preferences, attitude to death and so on in the second half of the XIXth - the beginning of the XXth century are presented.

Key words and phrases: almshouse; senility perception; attitude to senility; elderly people's everyday life; elderly people; senile; charity; aging; senility.